

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**НАСЛЕДСТВО
ХУЖЕ ПУЛИ**

ЭКСМО

Сергей Иванович Зверев
Наследство хуже пули
Серия «Я – вор в законе»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5019018

Наследство хуже пули / Сергей Зверев: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63098-1

Аннотация

Чемпион мира по боксу Виктор Мальков по решению суда был казнен за двойное убийство. На его счету в иностранном банке осталось несколько миллионов долларов. Прошли годы. Сотрудники банка начали искать наследника чемпиона. Гражданин США частный детектив Андрей Мартынов по заданию банка прилетел в Россию, попал в аварию и чуть не погиб, потом лишился документов на наследство и, вдобавок ко всему, частично потерял память. Но это было только начало. Вскоре заварилась настоящая криминальная каша, и Мартынову пришлось использовать свои давние уголовные связи, чтобы остаться в живых...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	32
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Сергей Зверев

Наследство хуже пули

© Зверев С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I

Глава 1

Двое мужчин с равнодушными лицами проследовали за уставшим после ночной смены доктором по широкой лестнице наверх. Перешли коридор и вошли в палату, сквозь окна которой начал пробиваться солнечный свет. Дежурство подходило к концу, и следователю с участковым уполномоченным необходимо было обработать последнюю заявку – сообщение из районной клинической больницы о поступлении пострадавшего. Что за пострадавший и кто таков, выяснить на месте, с пульта, не удалось. Дежурный врач твердил что-то об амнезии и нервном истощении...

Алкоголем от больного, по словам доктора, не пахло. Но... Само по себе обнаружение в лесу прилично одетого мужчины, пользующегося дорогим парфюмом, в состоянии последней стадии забывчивости – явление редкое, можно даже сказать, необычное. А потому начальник РОВД, не слишком полагаясь на молодого, полгода проработавшего в органах участкового, велел следователю Бабушкину собираться и ехать с ним.

Бабушкин, поворчав по-стариковски, прихватил папку и спустился к крыльцу, где его и поджидал «уазик» райотдела.

Хотя всей езды до больницы было минуты три.

Вот так началось это обычное для поселка городского типа утро. Как оно продолжится и чем закончится день – не знал никто.

Бабушкин долго смотрел в лицо мужчины и пытался понять, что же с бедолагой произошло. Двадцать лет в следствии, за годы эти через руки его прошли сотни уголовных дел, он читал их с той же простотой, с какой различал в глазах собеседников ложь, но сейчас он смотрел в глаза незнакомого ему человека и, сколько ни силился, сути понять не мог...

– Как вас зовут?

Человек помедлил и ответил просто:

– Лайер. Это я помню, Лайер.

Бабушкин задал другой:

– Где вы живете? Откуда приехали? Я спрашиваю, потому что точно знаю – ордынцем вы быть не можете.

– Я тоже точно знаю это. Однако первые два вопроса ставят меня в тупик.

– Как вы оказались в лесу, в километре от Ордынска?

– Этот разговор можно продолжать сколь угодно долго, – вмешался врач. – Он и на более простые вопросы ответить не может. Я думаю, его нужно доставить в область.

Бабушкин не любил, когда из его рук кого-то забирали и доставляли в область или куда бы то ни было. Покосившись на врача, он бросил:

– Что при нем было? – и тут же увидел выдвигаемую из-под кровати картонную коробку, в которых обычно поступают в больницу стандартные емкости с лекарством для капельниц.

– Может, меня ограбили? – предположил больной, не поднимая головы с подушки.

Наклонившись, Бабушкин рассмотрел содержимое коробки и уставился долгим взглядом на пациента. Первое, что выделил для себя Бабушкин, было множество шрамов, которые при дневном свете не бросались в глаза, при сиянии же ламп казались штрихами, проведенными карандашом художника. Чуть приплюснутые надбровные дуги, сломанные уши и свернутый и вправленный нос придавали лицу пациента суровое выражение и уверяли Бабушкина в том, что перед ним – классический пример покинувшего ринг боксера. Между тем в глазах мужчины светился ум, что в свете таких классических примеров случается крайне редко. А мелированные, в беспорядке разбросанные волосы придавали общей картине некую веселость. Росту в мужчине было что-то около ста восьмидесяти, может, чуть больше, телосложение атлетическое, кулаки... да, конечно, отметил про себя Бабушкин, кулаки, сбитые, налитые силой, пудовые.

У следователя сразу заболела голова. За все годы службы в милиции ему ни разу не пришлось сразиться с преступником, а в жизни посчастливилось ни разу не подраться на улице. Вместе с тем он хорошо видел последствия ударов та-

ких вот боксеров или каратистов... Хороший боксер способен ударить так, что у жертвы происходит отслоение мышц лица от костного ложа. Такой человек – урод на всю жизнь (речь и о жертве, и о виновнике). В этой связи Бабушкин считал бокс холодным оружием, и, будь его воля, он уравнивал бы мастеров бокса и всяких там боевых единоборств с собаками бойцовских пород, ножами и кастетами. Захотел на улицу выйти – на! – тебе разовую лицензию. Нарушил – садись. Не нравился больничный пациент Бабушкину, ой как не нравился. Может, еще и потому, что росту в следователе было около ста семидесяти, может быть, чуть меньше, телосложения он был астенического, то есть никакого практически. Да и кулаком Бабушкин если бы куда и врезал, то потом носил бы на кисти гипс.

– Как-то странно вас ограбили, – ответил наконец Бабушкин. – Я вижу часы «Ролекс», бумажник, в котором что-то около пятидесяти тысяч рублей и несколько сот долларов, кредитки «Виза» и «Маэстро». А это что? – наклонившись, следователь с отвращением, словно вытягивал за хвост змею, поднял из коробки золотую цепь толщиной в мизинец. Золотые цепи Бабушкин признавал только на груди монархов или батюшек. Все остальное он считал от лукавого, то есть от организованных преступных сообществ. И когда одеяло чуть сползло, на груди этого человека Бабушкин увидел верхушки синих церковных куполов... – Интересная вы птица, – сказал вслух следователь.

– Послушайте, орнитолог, – заговорил незнакомец довольно странным голосом с металлическими нотками, – мне было бы интересно побеседовать с вами о пернатых, но есть дела поважнее. Задавайте свои вопросы, я напишу: «С моих слов записано верно, мною прочитано» – и распишусь.

– Он помнит, что такое «орнитология»? – равнодушно поинтересовался Бабушкин у доктора.

– Он же не разум потерял, а память, – удивился врач. – Некоторый период времени вылетел у него из головы, вот и все. Единственное, что меня сейчас волнует, – это результаты томографии головного мозга. Внутричерепное давление налицо, но это не смертельно. Берусь назвать имена пяти известных в районе людей, которые с этим диагнозом продолжают руководить и править.

– Руководить и править – это одно и то же, – поморщился Бабушкин. – Что вы помните последним из того, что запечатлелось в вашей памяти?

Последнее относилось уже к пациенту, и тот, не задумываясь, ответил:

– Несгибаемое колено синтетической курицы в салоне самолета.

– А куда вы летели на самолете?

– Во Владивосток.

– Уже теплее, – заметил Бабушкин. – А откуда вы летели?

– Из Москвы.

Бабушкин пожевал губами и еще раз поворошил вещи

больного.

– Почему же среди ваших вещей я не вижу ни паспорта, ни билета?

– А вы что, подозреваете, что я выпал из самолета?

– Так, юмор... уже хорошо, – пробормотал следователь, разворачиваясь к врачу. – У нас тут падения авиалайнеров не фиксировалось?

– Об этом у вас надо спросить, – заметил доктор, поглядывая на часы, а потому не замечая иронии.

– На какое число у вас был взят билет на рейс?

– На десятое июля.

Сегодня наступило девятнадцатое. Девять дней – вот тот срок, за который пациент или действительно не может восстановить ход своей жизни либо делает вид, что не может. За девять дней в городе и области произошло много чего, и никто не даст гарантии того, что этот спокойный, лежащий под одеялом, несомненно, авторитетный в криминальном мире тип к этому не причастен. Ему лет сорок – сорок пять на вид. В зоне он бывал как минимум дважды. Оба раза, надо полагать, не за кражи велосипедов. Такие росписи на тела «бакланов» и «кротов» не наносятся. Словом, подумал Бабушкин, надо взять этого парня на карандаш.

– Перспективы на выздоровление и возврат памяти имеются? – машинально поинтересовался Бабушкин у врача.

– Понимаете ли, в чем дело, – поделился врач, – последствия посттравматической амнезии таковы, что она может

стать первопричиной аменции. Деятельность больного попадает под диктат инстинктов, и для того чтобы правильно диагностировать состояние пациента, необходимо провести томографию, ряд других исследований...

– If I am sleeping when you finished, wake me up¹, – внимательно посмотрев на доктора, саркастически проговорил следователь.

– Что вы сказали?..

– А вы что сказали? Я спросил вас, может ли к нему вернуться память!

– Скорее да, чем нет. Сознание ясно, спутанности мыслей не наблюдается.

– Спасибо за исчерпывающий ответ, – проскрипел Бабушкин и снова занес ручку над бумагой.

Переговорив с больным еще с четверть часа, больше для приличия, он окончательно убедился в том, что имеет дело с «понятливым» человеком. Пациент говорил много, в глазах его светилось откровение, и, вообще, он был похож на потерпевшего, который вроде что-то и говорит, поясняет, и даже помогает себе при этом руками, но никакой хоть мало-мальски интересной информации получить из сказанного решительно невозможно. Так обычно разговаривают на зоне авторитетные люди, которых задерживает администрация с топором, лезвие которого погружено в голову другого заключенного, но в ходе допроса становится совершенно очевид-

¹ Если я буду спать, когда вы закончите, разбудите меня (*англ.*).

но, что главный подозреваемый топор не всаживал, а, наоборот, вынимал, желая облегчить страдания жертвы. Всадил же кто-то другой, причем задержанный описывает его с такой педантичной последовательностью, что прямо-таки вселяется уверенность в том, что найти убийцу будет не так сложно. Беседа с такими персонажами обычно заканчивается головной болью у следователя и желанием немедленно оставить службу в связи с полным несоответствием занимаемой должности.

Бабушкин школу эту давно прошел и теперь время на глупые разговоры не тратил. Описав и изъяв вещи пациента, он забрал их с собой в твердой уверенности в том, что теперь больной от него никуда не денется. Завершение карьеры раскрытием громкого преступления – предел мечтаний любого следователя предпенсионного возраста, и терять дарованную судьбой возможность Бабушкин не собирался. Пожелав больному скорейшего выздоровления и объяснив, в каком кабинете РОВД его следует искать, он удалился вместе с участковым, находясь в твердой уверенности, что через пару дней вновь встретится с выздоровевшим и частично восстановившим ресурс памяти пациентом по имени Антон Лайер...

– Лайер, Лайер, – бормотал Бабушкин, спускаясь по лестнице и держа под мышкой коробку. – Где-то я слышал эту фамилию...

Проверка фигуранта по информационному центру ГУ-

ВД области никаких результатов не дала. Точнее, результат имелся, но для работы никак не годился. Человек по имени Антон Павлович Лайер ни одним из судов области осужден не был и среди задержанных также не значился. При наличии таких качественных лагерных тату, подтверждающих высокий статус их владельца в уголовном мире, это могло означать только одно. А. П. Лайер задерживался и был осужден в другом регионе, то есть информация о нем должна была содержаться в Главном ИЦ МВД России.

После смены придя домой, он долго лежал на диване и читал сводку происшествий и преступлений за неделю в области, выданную в дежурной части.

– Давай мне все, включая и административную практику, – сказал он коллеге-ровеснику, – даже если лошадь старика Фомина нагадила где-нибудь, я хочу об этом знать.

Звучало это все, конечно, как в худшей из пародий на боевики Голливуда. Но Бабушкин действительно хотел сейчас знать все даже про лошадь Фомина. И потому читал данную ему распечатку длиной почти в километр очень тщательно. В то же время слушал доносящиеся из кухни звуки шипящих на сковороде котлет, переворачиваемых женой, и цепким взглядом сквозь линзы сдвинутых на нос очков пытался найти ответ на свой вопрос.

Оперативка хрустела, сворачивалась, разворачивалась, и к окончанию второго часа ее изучения Бабушкин понял, что больничный пациент мог быть причастен и к убийству мел-

кого бизнесмена в Верх-Ирмени, и к обносу антиквара на улице Пархоменко в Новосибирске, и к мордобою на танцплощадке в Ордынске.

Когда между восемью и девятью вечера затрещала телефонная трубка, оставленная на полу перед диваном, Бабушкин вскинулся и быстро вошел в связь. Надежды его оправдались. Ответ на отправленный в срочном порядке телефонный запрос в информационный центр МВД поступил в дежурную часть Ордынского РОВД.

«Недолго фраер танцевал», – злорадно отметил про себя Бабушкин, начиная выслушивать сообщение нового дежурного.

– Значит, так, – сказал тот, – в ИЦ на этого парня ничего нет.

И короче доклада Бабушкин еще не слышал. С дежурным спорить он не стал, просто изумился и положил трубку. Значит, в больнице его кинули, паспорт наверняка липовый. Нет судимого по фамилии Лайер.

На что надеется заболевший, совершенно не понятно. Завтра же следователь вышлет наряд в РКБ, и этого амнезийного привезут в РОВД. Там выяснится, что амнезии нет, что он не Лайер, и все станет на свои места.

Сняв очки, Бабушкин подумал о том, что это дело может стать делом его жизни, то есть оставшейся недолгой службы. Ситуация сейчас такова, что к нему начальство уже давно не пристает с расспросами о планах на текущий день или делах,

находящихся в производстве. Знают – сделает все как надо. И случись так, что у него на столе оказалось бы глухое дело – а ему перед пенсией отписывают только такие, молчаливо ссылаясь на старческое недомогание, он обязательно раскопал бы мощную подоплеку и под конец службы выплюнул бы такую сенсацию, что подарили бы не часы с гравировкой «От министра внутренних дел», а попросили бы принять орден за заслуги. Бабушкин уже давно служил не за звания и не за ордена, его волновал сам процесс работы, он вплелся в его жизнь и образовал симбиоз, какой образуют баобабы с лианой-паразитом. Но доказать всему миру или как минимум областному ГУВД свою значимость, молчаливо объяснить, что в свое время не на того поставили, а о главном позабыли – он считал необходимым. Это называется здоровым карьеризмом...

Яростно разминая челюстями котлету, он слушал болтовню жены и жалел, что не женился на глухонемой. Бог если что-то забирает, то обязательно что-то дает взамен. Если бы жена была глуха и нема, то тогда не была бы красива. Тридцать лет назад он выбрал второй вариант и до сегодняшнего дня об этом не жалел. Сейчас же в голову лезли богопротивные мысли, а все из-за какого-то зэка, найденного добрыми гражданами в лесу. Опоздай они на полчаса, и сообщение из РКБ прилетело бы не в его смену. И тогда Бабушкин мог запросто закончить карьеру, не терзаясь тем, что не сделал главного. А убеждение в том, что странный пациент РКБ тот

самый шанс, что господь дает один раз в жизни, его не покидало и даже крепло.

Оставив гарниз недоеденным, Бабушкин ушел в комнату и развалился перед телевизором. Быть может, он просто гонит? Мужик действительно шел по лесу... с картами «Виза» и «Маэстро»... искал ранние грибы... в костюме за тысячу долларов... а тут появились злодеи, избили... ничего не взяли... ушли...

Бредятина!

До автотрассы – пять верст! До ближайшего аэропорта – сто! До населенного пункта – одна! Выходит, шел из Ордынска?

Оперативка захрустела, снова разматываясь по комнате. Задержание бандгруппы на проспекте Революции в Ордынке... Столкновение под Шарапом цистерны с бензином... погибли три инкассатора...

Все это не то. Бабушкин выезжал. В первом случае начальник из РУБОПа, приехавший из Новосибирска, брал какого-то Гулько с его людьми. Бабушкин с Метлицким – так фамилия начальника – разговаривал, тот уверял, что взял всех, и просил не лезть в его дела, сволочь. Во втором случае у Бабушкина была надежда на то, что в инкассаторском броневике были деньги, но денег не оказалось. Броневик разворотило, три тела вылетели из него и сгорели заживо. Водитель цистерны «Вольво» отправлен в Новосибирск с ожогами и психическим расстройством.

Решив успокоиться и представить ситуацию, Бабушкин стал размышлять рационально. Как мог оказаться в лесу «синий» с банковскими кредитками? Дело было так... Он ехал на своей машине... Гнал ее из Владивостока, где купил за копейки, покупателю в Москве. «Ленд Крузеры» с правым рулем в Москве куда дешевле, чем с левым, а суть одна – респектабельность. Автогонщики-перекупщики очень часто и деньги при себе имеют, и цепи золотые. Тем паче – если из Москвы. Лайер – «гонщик под заказ» с хорошей репутацией. Клиентов никогда не подводит, а потому и деньги имеет. Реноме в автобизнесе значит много.

Остановился бедолага где-нибудь под Шарапом перекусить, его «приняла» местная братва, они не поняли друг друга, получился скандал, закончившийся ударом по голове. Джипа нет, удостоверения водительского нет, документов на машину – тоже. Мужика увезли в лес, выбросили. Джип угнан в Новосибирск. «Терпила» очнулся, не понял, что случилось и где он находится, и пошел куда глаза глядят. Не дошел до Ордынска ровно километр и потерял фазу. Очнулся в больнице. Ничего не помнит.

И почему бы это ему не быть Антоном Павловичем Лайером, спрашивается? Его нет в ИЦ? Так что в этом удивительного! Бабушкина тоже нет в ИЦ, но ведь это не означает, что он вводил больного в заблуждение, представляясь таким образом. Отсутствие в ИЦ фигуранта означает не то, что он врёт, а то, что он не судим.

Словом, поднимется на ноги, придет к нему, нужно будет отдать кредитки и деньги с извинениями. Бабушкин всегда извинялся, когда оказывался не прав. Быть может, потому и не поднялся выше Ордынска. Ври он наглей, как другие, быть может, уже давно сидел бы в ГУВД области и жена Галка не так пилила бы...

– Что-то ты больно подозрителен стал, Дима, – с иронией обратился Бабушкин к себе, лежащему на диване. – Скоро за женой следить начнешь. Или соседа в подвале караулить. Человеку бы сочувствие высказать, поддержать – денег-то немалых, поди, лишился, а ты, сволочь, гнешь свое...

– С кем это ты там беседуешь, Бабушкин? – обратилась к нему, входя в комнату после уборки, жена. Мужа она всегда называла по фамилии, и в устах ее это выглядело как-то по-домашнему, близко. В свои сорок пять она была очень хороша собой, и сейчас, глядя на нее снизу вверх, пятидесятилетний Бабушкин понял, что еще два года службы, и он окончательно озверееет. Если он уже сейчас долдолнит сам с собой, то что будет дальше? А все это пресловутое «последнее» дело, чтоб его... – Издержки служебной деятельности? – присев к нему на диван, она провела по его волосам, давно тоскующим по рукам парикмахера, и поцеловала в голову. – Давай уедем отсюда, а, Дима? Деньги есть, квартира в Томске есть, что тебе еще надо? Будешь карасей удить, на велосипеде кататься, собаку заведем. Лабрадора. Хватит уже за жульем гоняться. Напиши завтра рапорт, а?..

Галина вышла за Бабушкина сразу после окончания института. Можно сказать, по нелепости. Был у нее тогда парень, планировали они с ним сыграть свадьбу, но он вдруг взял да и женился на первокурснице с юрфака и уехал, даже не попрощавшись. Она погоревала, а тут вдруг кочетом налетел с признаниями в любви Дима. И то, что в Галине до этого момента страдало и плакало, вдруг воспламенилось и взорвалось... И она вышла за самого неказистого паренька на курсе – Диму Бабушкина. Был тих, себе на уме, торжества обходил стороной и все время что-то читал. Галка все подсматривала – что. И с удивлением замечала в руках будущего юриста то Булгакова, то Брэдбери, то, черт его побери, античную драму. Раньше это воспринималось с иронией, а уже после того, как Галка оказалась под фатой, стало ясно, что угодила в самую десятку. Дима Бабушкин оказался прегнейшим парнем с бесовщинкой в голове, которому ничего не стоило, оказывается, и на руках ее пронести, и в бассейн с десятиметровой вышки прыгнуть. Жаль, ни разу не удалось посмотреть, как он бьет морду кому-нибудь, но с годами это желание превратилось в недоразумение по поводу того, как она могла о такой глупости мечтать.

С Бабушкиным ей жилось легко и весело. Мужик оказался с чувством юмора, нехарактерным для тихонь, и никогда не устраивал сцен ревности, догадываясь, видимо, почему она за него пошла. Но годы летели, и Галина убедилась окончательно – она любит этого сумасшедшего, большого азартом

разгадывания чужих тайн мужчине. Понимала его, а потому никогда не лезла в душу. Однако теперь, когда следовало остепениться и немного отдохнуть от ребусов на крови, Галина стала со свойственной всем умным женщинам осторожностью убеждать мужа уйти на покой. Разведбеседа за год до пенсии принесла удручающие результаты – Бабушкин не собирался никуда уходить, кроме как по утрам на службу. Через шесть месяцев, когда был выслужен последний день из двадцати лет, его пригласили на торжественное мероприятие, где, по слухам от источника, заслуживающего Галининого доверия, ее мужу наконец-то подарят золотые часы и вручат пенсионное удостоверение МВД со всеми вытекающими из этого последствиями.

– Я вечером буду немного пьян, – завязывая под воротником белоснежной рубашки галстук, сообщил Бабушкин сгорающей от радости супруге. Голос его при этом был грустен и тих. Так отправляются в последний путь смертники в полосатом одеянии на острове Огненном.

Галина накрыла стол, пригласила лучших друзей, каковых было немного, и когда раздался звонок и первая пробка из бутылки шампанского ударилась в потолок, она метнулась в прихожую и распахнула дверь со счастливой улыбкой.

В проеме стоял, опершись на косяк, Бабушкин. Галстук был растянут и сбит на бок, рубашка расстегнута, и правая пола ее выглядывала из-под пиджака. Над следователем клубились пары сивушных масел, и красноречивый взгляд убеж-

дал жену, что завтра с постели он не встанет ни при каких обстоятельствах. Кроме того, в глазах его читалась информация о том, что никаких радостных известий он в дом не принес.

– Меня попросили остаться старшим следователем, – сообщил он. – Я согласился.

– А бухой-то тогда почему? – невпопад спросила Галина.

– Потому и бухой, – объяснил Бабушкин и, войдя, объявил застолье начавшимся.

Но Галина была женщиной. Самой настоящей. А настоящие женщины, как известно, просто так от своих намерений не отказываются. Обработка зарвавшегося следователя продолжалась методически и наконец дошла до той стадии, когда Бабушкину стало ясно – лучше уйти, но избавиться от надоедливой болтовни про карасей. Он ей сказал месяц назад: «Расследую что-нибудь существенное – и ухожу. Слово даю».

Галина знала – слову его верить можно, и с этого момента жизнь Бабушкина превратилась в кошмар. Каждый день жена встречала его фразой: «Что-нибудь существенное было?» – и это было совершенно новым в их устоявшихся отношениях. Чтобы хоть чем-то разнообразить вечернюю встречу дома, Бабушкин с порога сообщал: «Ничего существенного».

И сейчас, чувствуя, как рука Галины гладит его по волосам, он вдруг решил разобраться в причинах, заставляющих

его форменным образом издеваться над близким ему человеком. И только сейчас, уронив распечатку на пол и взявшись рукой за ее ладонь, он понял – причин нет. Есть только он и она. Две трети жизни прожито, а что случилось, на самом деле, существенного? Они съездили хоть раз за эти годы за границу? Нет. Может быть, обзавелись машиной? Нет. В театре когда он был с нею в последний раз? В 1995-м на «Юноне и Авось» с Караченцовым. В отпуск ездили, к теще его, в Одинцово. Ни денег, ни положения...

– Галя, – подумав, сказал Бабушкин, – я решил.

– Что? – дрогнувшим голосом проронила она.

– Уйти. Сегодня решил. Совсем уйти. Завтра пишу рапорт. Съездим в Грецию?

– В Афины? – прошептала Галина, быстро взметнув руки к лицу, поняв, что по нему бегут, вырвавшись из многолетнего плена, слезы. – Дима... Значит, больше не будет этих... Сборов, командировок и совещаний? Ничего не будет?

– Ничего, – и он решительно замотал головой, уже догадываясь, какой подарок сделал жене за месяц до годовщины свадьбы.

И Галина ожила. Она скинула со своих сорока пяти добрую половину... Пяти минут хватило на составление плана на ближайшие пять лет. Все проблемы превратились в ничто. Осталось главное – он и она.

Бабушкин смотрел на нее и смеялся, как ребенок. И она, впервые увидев своего мужчину с побитыми сединой виска-

ми, хохотала, как в девичестве.

– Мы сегодня будем смотреть фильмы! – объявила она, скрылась в коридоре и вынырнула оттуда с пакетом в руках. – Я на завтра набрала себе дисков, чтобы скучно не было, но теперь мы будем смотреть их вместе!

Он не успел возразить. Перед ним засверкали яркие упаковки компакт-дисков с фотографиями главных героев и главных сцен.

– Вот, смотри! – звонко прокричала она, бросая на колени усевшемуся на диване Бабушкину диск. – «Код да Винчи»! Том Хэнкс еще не сыграл на съемках последний эпизод, а наши уже выпустили готовый фильм!

– А что это? – устало пробормотал Бабушкин. – Про Леонардо? Скукота.

– Это детектив, Бабушкин, тебе пора браться за ум и книги.

– Не хочу никаких детективов. Тошнит.

– Тогда – комедию? С Керри? Старую, но невероятно смешную?

– Давай комедию, – согласился Бабушкин, догадываясь, что в противном случае придется ответить еще на пару-тройку вопросов.

Керри в фильме играл коварного адвоката. Играл, как всегда, уморительно и неповторимо. Бабушкин считал, что он всегда переигрывает и выходит за рамки сценария, однако всякий раз соглашался и с тем, что от этой керриевской от-

себятины фильмы только выигрывают.

Галина хохотала и была счастлива настолько, что он боялся даже пошевелиться, чтобы напомнить о том, что еще является действующим следователем. Взгляд его был рассеян, он думал о том, как войдет завтра в здание РОВД и направится к начальнику с бумагой, как встретит сначала удивленный, а потом и понимающий взгляд его...

Он с грустью представил, как каждый день будет проходить мимо этого дома и с какой невероятной силой его будет тянуть внутрь его. А с этим нужно будет бороться.

Бабушкин уткнул взгляд в пол и стал блуждать по рассыпанным по паласу квадратным упаковкам. Некоторое время он прочитывал названия и сидел неподвижно, словно пораженный тоской, а потом вдруг...

А потом вдруг взгляд его сначала заискрился, словно снег в морозное утро, а после и вовсе вспыхнул пламенем. Отстранившись от жены, он с хрустом рванул на себя оперативную распечатку и стал водить по ней нетерпеливым взглядом. Найдя искомое, быстро перечитал в двадцатый или в тридцатый раз за этот вечер:

«Информация ГИБДД ГУВД Новосибирской области. 16.07.2005. КПП «Ордынское». Административный протокол за нарушение ПДД составлен в отношении гражданина Иванова С. А... Никифорова П. Т... Заславина Н. Н... гражданина США Э. Мартенсона.

Гражданина США Э. Мартенсона!

«Liar, Liar» – было написано на одном из дисков, купленных Галиной Бабушкиной. Фильм про пройдоху-адвоката, так удачно сыгранного Джимом Керри.

Подняв с пола трубку, следователь быстро набрал номер дежурной части и попросил дежурную группу немедленно выехать в РКБ. Выслушав подтверждение, он сверился со справочником и набрал номер больницы.

– Соедините с нейрохирургическим отделением, – велел он дежурную. Когда же услышал голос заведующей, бросил четко и властно: – Следователь Бабушкин. Войдите в пятую палату к найденному сегодня в лесу больному и не выпускайте его из поля зрения, пока не прибудет наряд.

– Следователь Бабушкин? – растерянно переспросила врач. – Как же так? Больной сказал мне, что вы велели ему прибыть...

– Где он?!

– Он ушел!.. Два часа назад. Как и было велено, ему были выданы вещи, и он направился к вам...

– Кем было велено?! – прохрипел в трубку Бабушкин, невероятно пугая жену.

– Вами, – ответила заведующая.

– А кому я велел?

– Больному... Он так сказал.

Отключив связь, следователь Бабушкин бросил трубку на кровать и стал кусать губу.

– Ты обманул меня, – донеслось до него тихо и разочаро-

ванно.

– Галя, я тебе обещаю, что это последнее... Я клянусь тебе!

– Ты меня обманул. – Под хохот Керри Галина встала и молча направилась на кухню. – Ты мне солгал. Ты лгун, Бабушкин.

Но Бабушкин этого не слышал. Он стоял, кусал губы и смотрел на красочную упаковку компакт-диска. «Liar, Liar», – значилось на ней.

Лайер, Лайер. По-английски.

Лгун, Лгун, если перевести на русский.

Глава 2

Мартынов вышел из больницы в состоянии легкого недомогания. Вызвано это было более серьезными причинами, чем просто боязнь быть задержанным. Мартынов, он же Мартенсон, ничего пока не сделал, чтобы его упрятать в русскую кутузку.

Не сделал... Свежо предание, да верится с трудом.

То, что мент приехал в больницу, – не самое страшное. Он не мог не приехать, коль скоро сообщение из больницы поступило. Мартынов слишком долго прожил в СССР и России, чтобы не знать порядков. Два срока за спиной, и все от звонка до звонка отбытые в колониях строгого режима – это тоже школа. Говори много, заводи рака за камень, крути луну и наблюдай, как у следователя образуется в мозгу раковая опухоль. Продержишься так трое суток – считай, что отскочил.

Так что приезд власти обыденное явление. Хуже другое...

«Хотя сначала лучше о хорошем», – подумал Мартынов, направляясь к автовокзалу.

Во-первых, что бы с ним ни случилось вчерашним днем, никаких последствий для его организма это не вызвало. Внутричерепная гипертензия – эка невидаль! А когда у него ее, гипертензии, не было? Разве только лет семь назад, когда гипертензия называлась гипертонией. Переломов нет, уши-

бов головного мозга нет, внутренности целы. Так что... Так что ничего страшного.

Кстати, где вокзал?

Он шел к вокзалу, совершенно не думая о том, что понятия не имеет, где тот находится. «Наверное, где-то в центре поселка», – решил беглец и направился в сторону скопления пятиэтажных домов, являющихся местными Empire State Building.

«Еще было бы хорошо иметь тут пару знакомых, – с тоской подумал Андрей, заходя в тень и пропуская милицкий «уазик-таблетку», – но это уже совсем из области фантастики. Тогда бы еще пара кредиток не помешала и мелочь на дорогу до... На дорогу куда?!

Решив успокоиться после внезапного приступа отчаяния, Мартынов направился было в лес, но вдруг увидел по правую руку от себя приземистое здание с вывеской «Вокзал» и несколько рядов скамеек на улице. Он пришел туда, куда следовал, но пытаться договориться с кем-нибудь из водителей о поездке в селение с более развитой инфраструктурой пока не торопился. Свернув в лес, он выбрал место поудобнее, откуда можно наблюдать за движениями на вокзале, уселся под огромную сосну и посмотрел наверх.

«Невероятно высокая... если постараться, то по ней можно взобраться на небо», – не к месту пришла ему в голову глупая мысль.

Он уже давно заметил на одной из скамеек молодую

женщину, сидящую лицом к площадке прибытия автобусов. Этим же направлением, впрочем, являлся и въезд в поселок. Рядом с ней на скамье располагался кейс, стоимость которого Мартенсон быстро определил в пятьсот долларов, а Мартынов подтвердил факт того, что эта вещь здесь совершенно неуместна. Что делать красивой плачущей женщине на скамье автовокзала с хромированным чемоданчиком, в которых спортивные менеджеры в Вегасе перевозят крупные суммы денег и документы? Такой кейс не горит в огне, его практически невозможно утопить, если тот надежно закрыт, и, если заперт хозяйской рукой, не вскрывается даже ломом. С чего бы этой крошке в обтягивающих джинсах сидеть здесь и реветь белугой, уложив рядом с собой пятисотдолларовый чемодан? Опоздала на автобус? Боже мой, через час пойдет следующий!

Немного околдованный правильными формами и овалом лица девушки, Мартынов проводил ее взглядом до моста и через минуту навсегда, в чем он был уверен, забыл. Пора думать о насущном.

У него была проблема. Очень большая проблема.

Отсутствие денег, документов и машины – это было ничто по сравнению с той проблемой, которая давила сейчас на Андрея с такой силой, словно собиралась раздавить.

Во время разговора с местным следователем, назвавшимся смешной фамилией Бабушкин, Эндрю Мартенсон, он же Андрей Петрович Мартынов, немножко искренен все-таки

был.

Он помнит всю свою жизнь. Он может прямо сейчас рассказать обо всех годах, проведенных за решеткой, о тех людях, кто с ним был в это время. Может перечислить, загибая пальцы на руках, всех своих врагов. Он точно знает, что работает на мистера Малькольма, президента крупнейшей компании спортивных менеджеров. Ровно месяц назад Малькольм поручил ему убить в Россию и отыскать сына известного всему спортивному миру планеты боксера Малькова. И Мартынов полетел в Россию. Десятого июля он находился на борту авиалайнера, несшего его через океан, и последнее, что Мартынов помнит, – это была действительно куриная ножка, которую он повертел в руке и оставил в контейнере для обеда.

Все.

Это было все, что он помнил. Как он, Андрей Мартынов, оказался в каком-то Ордынке... Но были вопросы и посложнее. Например, нашел он этого Малькова-младшего или нет? А если не получилось, тогда чем он занимался эти девять дней одного года? И почему рожа у него выглядит сейчас хуже, чем пять лет назад после рейтингового поединка с Джоном Карришем?

Он и не знал, что такое бывает. Амнезия... Слава богу, она не охватывает тот период, когда он общался с бывшими лагерными друзьями. Один, кажется, живет в Новосибирске. И номерок помнит Мартынов. Только откуда позвонить?..

Догнать крошку и попроситься на звонок? Подумав об этом, Мартенсон усмехнулся. Когда она обернется и увидит, кто ее догоняет со своими просьбами... Через минуту его будет вязать все мужское население этого Ордынска.

Однако же звонить все-таки откуда-то нужно.

И Мартынов, поднявшись с земли, направился к вокзалу.

Глава 3

Остановившись у входа в здание вокзала, чуть в стороне от билетных касс, он прислонился к стене и стал ждать. Время играло не на него, он понимал эту печальную истину. Как только Бабушкин получит информацию о его исчезновении из больницы, первым делом будут перекрыты вокзал и та часть междугородней автотрассы, что прилегает к поселку. Если представить, что Мартынов действительно не помнил минувшие девять дней, то разговор со следователем можно посчитать за некую оперативную игру – лишить фигуранта средств и посмотреть, что он будет делать. Если начнет возвращаться к тому, что совершил в течение этих девяти дней, то станет совершенно ясно – никакая у него не амнезия, а воспаление хитрости, на чем его и следует брать немедленно и организовывать лечение уже в камере ИВС.

Андрей не знал, с чем связаны побои на его лице, не помнил, где он был, с кем и что при этом делал. Курьезность ситуации заключалась не в том, что любой проходящий мимо мог сейчас заорать: «Держи, это он – убийца (грабитель, вымогатель)!», а в невозможности Мартынова первым среагировать на встречу.

Последние годы жизни менеджера спортивной корпорации «Хэммет Старс» Эндрю Мартенсона свидетельствовали о невозможности его участия ни в убийстве, ни в грабеже,

ни в чем другом, в равной степени жестко преследуемом законодательством США и России, однако Мартынов помнил, что находился он на родине, где само понятие «завязал» теряет всякий смысл при экстремальной ситуации.

«Только бы не кровь, – уже в который раз шептал Андрей, – только бы не замараться...»

Все годы после выезда из России он жаждал только одного – забыть о кошмаре прошлых лет и обрести свободу и себя в ней. Кажется, это случилось. Были драки, была грызня за кусок хлеба в Вегасе и Нью-Йорке, были и некие подобиya вымогательства, хотя в США это выглядит настолько забавно, что похоже больше на козу десятиклассника первокласснику. Но он уже понимал – нельзя стрелять, нельзя резать, можно, наверное, и по-другому... И убеждался всякий раз – можно. Стоит только подключить голову, как необходимость резать и стрелять отпадает. Тем и жил.

И в этом свете совершенно страшно сейчас стоять вот так на русском вокзале на какой-то периферии и чего-то ждать. Тебя освещают лучи заходящего солнца, а ты настолько беспомощен, что боишься даже собственной тени.

Город Новосибирск. Сема Холод, друг по Хатангинскому лагерю строгого режима. Вот то, что ему сейчас нужно. Пытаться просить кого-то подбросить до столицы Сибири – глупость немереная. С такой рожей нужно лежать в лесу неделю и зализывать швы. Но и потом без денег никто не повезет.

Нужен один телефонный звонок. Номер мобильной труб-

ки Холода Андрей знал наизусть, но для того, чтобы его набрать, нужен как минимум телефон.

С тоской в глазах Андрей повел взглядом по спующим туда-сюда перспективным пассажирам и стал отмечать одну идею за другой.

Самой глупой показалась мысль, которая не только приходит в голову первой, но и обязательно реализуется уличным отморожком, коим Мартынов никогда не был: тупо завести за угол какого-нибудь фраера и впечатать апперкот в печень. Времени хватит и на разговор, и на сигарету, если таковая в карманах фраера найдется, и на возврат фраеру телефона.

Второй отвергнутой мыслью был банальный «подрез» сумки. За нее тоже стало стыдно: «щипачем» Мартынов не был и в худшие времена.

Попросить трубку у первого встречного позвонить тоже не удастся. Это в Вегасе можно подойти с разбитым лицом к кому угодно и сказать – так, мол, и так, напали, избили, забрали деньги, паспорт и карточку социального страхования. Нужно, дескать, срочно связаться с адвокатом. И – дадут!

Здесь не дадут. Начнут кричать «караул!» или что-нибудь в этом роде, чтобы привлечь внимание толпы и ментов. Россия! Обязательно подумают, что хотят отобрать.

Но если и дадут, то обязательно запомнят и потом, когда подвернется случай – а он подвернется сразу, как только милиция начнет спрашивать, – опишут. Изымут трубку, вычислят номер, отождествят, и уже через час Холод будет

отвечать на вопросы. Ответит, конечно, еще как ответит. Но нужны ли Холоду такие проблемы?

Вспомнив о том, что голова порой спасает от реального срока, Андрей осмотрелся и двинулся к стихийному рынку, раскинувшемуся у правого крыла вокзала. По дороге он едва не столкнулся плечом с женщиной, покупавшей в киоске диски для DVD. Симпатичная женщина лет сорока с небольшим на вид набирала в пакет коллекцию, направленность которой Мартынов определить так и не смог. «Код да Винчи», «Фантоцци против всех», еще что-то, но последним в окошечке оказался диск «Лгун, Лгун» с Джимом Керри. Мартынов усмехнулся.

Проблема русских следователей заключается в том, что они не знают английского. Проблема американских копов – в незнании русского. Кем только в первые месяцы нахождения в США, когда был без работы, Андрей не назывался! Его задерживали за драку с неграми в Queen, и он представлялся копу, терпеливо выжидая, пока тот напечатает на машинке названную фамилию – Raspinaizhopenko.

А когда начиналось выяснение подробностей того, почему русский белый парень сломал челюсть одному афроамериканцу и нос другому, Мартынов перегибался через стол и совершенно спокойно отвечал на этот вопрос на русском, хотя уже тогда сносно знал английский. «What is this «poshol na kher»?» – уточнял коп, и Мартынов объяснял, что так в России друг с другом разговаривают друзья, стремясь вызвать

расположение.

«Как ваша фамилия?» – спросил сегодня Бабушкин, и Мартенсон ответил: «Лгун».

– Извините, – буркнул он женщине с дисками и прошел в ряды с вещами. Он голову на отсечение готов был отдать – весь день Бабушкин сбивался с ног, пытаясь выяснить, каким судом, когда и за что был осужден его подозреваемый с еврейской фамилией Лайер.

Времени на раздумья уже не оставалось. Нужно было действовать наверняка. Стремительно выискав взглядом китайца у широкого прилавка с джинсами, Мартынов подошел и поинтересовался:

– Кому платишь, веснушчатый?

Тот завел песнь, знакомую Андрею с Чайна-тауна, поэтому пришлось навалиться бедром на прилавок так, что тот покосился. Схватив двумя пальцами торговца за воротник, Мартынов дернул его на себя, и кривоногое тело поехало к нему по прилавку, сметая на землю товар.

– Ты, балаболка, находишься на территории Российской Федерации, – сообщил он переставшему верещать китайцу, – китайский здесь не катит. Повторять вопрос не буду, но, если сейчас услышу еще хоть слово не на русском, окончательно заклею шары, – и в доказательство своих слов Мартынов свободной рукой дотянулся до лежащего на соседнем торговом столике тюбика моментального клея и поднес к лицу жертвы.

– Бычков. Бычков Вова, – сказал китаец на чистом русском. Предполагать, что это он Бычков Вова, было бы глупостью, поэтому Мартынов ослабил хватку и приказал:

– Звони.

Китаец с третьего раза сумел набрать на своем мобильном номер и стал говорить Вова Бычкову, что он бы рад отдать сегодня деньги, но это вряд ли получится, поскольку если торговать лежа, то никакой торговли решительно получиться не может. «Крыша» Вова, видимо, попросил отдать трубку тому, кто поставил его клиента в такое неудобное для бизнеса положение, потому что китаец, уже несколько приободрившись, протянул мобильник Мартынову.

– Ну, – сказал Андрей.

– Ты кто? – спросил Вова Бычков.

– Конь в пальто. Сейчас я этого гундосого отпускаю, но в десять жду тебя у вокзала для разговора, – отключился и набрал нужный номер. – Сема?..

– Мартын?!

– Ни слова больше. Я на автовокзале в Ордынске. У меня ни копейки, меня могут «принять» в любой момент.

– Через час за тобой приедет машина. Убери себя подальше и выйди только тогда, когда увидишь черный «Крузер». Мои люди проверят вокзал, и, если все в порядке, стекло на задней левой двери будет опущено. Смело выходи и садись. Я буду рад тебя видеть...

Бросив на прилавок телефон, Андрей оглянулся и понял,

что вопрос, которым он терзал себя весь полет от Нью-Йорка в Москву, получил свой ответ. «Что изменилось в России за те пять лет, что я там не был?» – думал он, разглядывая облака над Атлантикой.

Ничего не изменилось. То, из-за чего он мог оказаться в полицейском участке в Вегасе уже через пять минут, на рынке в Ордынске было по-прежнему привычным делом. И то, что могло оказаться незамеченным в Вегасе, здесь или в любом другом городе Страны Советов могло явиться причиной его задержания.

Сейчас его точно не запомнят и не опишут. Сдают тех, кто проявляет слабость – просит телефон, умоляет, убеждает. Сильных здесь по-прежнему не сдают. Наоборот, уводят взгляд, чтобы не получить в лоб – «Чего уставился?». Не дай бог, наоборот, он запомнит! Дороже выйдет...

Через пятьдесят пять минут Андрей увидел, как на площадь въехал черный джип. Из него быстро вышли двое приземистых молодых людей и утонули в глубине вокзала. Еще через десять минут они вышли и уселись на места. Через две секунды подъемник на левой задней двери плавно опустил стекло...

В тот момент, когда джип с Мартыновым и тремя людьми Семы Холода выбрался на трассу и начал разгон, пятиюстами метрами вверх по течению реки Орды произошло довольно странное для этих мест событие.

Сторож лодочной станции Фомин, старик шестидесяти с небольшим лет, спустился к реке, чтобы проверить поставленные с утра сети. Домик лодочника стоял на отшибе, последним в череде домишек, торчащих на берегу, словно пеньки лесоповала, поэтому особых иллюзий относительно улова Фомин не питал. Все живое, что шло в обратном направлении от Ордынска, оказывалось в сетях тех, кто перегородил реку до него. Однако всякий раз добычей старика становились то щучка с парой окуньков, то пара лещей. А большего ему было и не нужно, поскольку торговлей Фомин не занимался. Был бы ужин и пол-литра к нему – вот все, что всегда заботило человека, которого постоянно видели выпивающим, но никогда – пьяным.

Черпнув веслами с десяток раз, старик приблизился на своей плоскодонке к колышку, вбитому в дно, и стал привычными движениями вытягивать сеть.

Когда в лодку бухнулся сначала огромный язь, а потом и щука килограмма на два, Фомин потеплел душой и тотчас вспомнил о заветной «Пшеничной», дожидаящейся его возвращения дома в холодильнике.

Он уже собирался отчаливать, как вдруг его взгляд привлекло то, что находилось на водной глади совершенно необоснованно. Плоский чемоданчик, бликуя красными лучами почти скрывшегося за верхушками сосен солнца, покачивался и двигался мимо Фомина.

«Деньги», – подумал старик, отпуская сеть и начиная по-

гоню. Минут через пять, двигаясь быстрее, нежели обычно двигаются в своей ежегодной регате восьмерки Кембриджа и Оксфорда, он настиг металлический чемодан и затянул его в лодку. Слепленный хромом язь, распушив плавники и перепутав, видимо, чемоданчик с поверхностью реки, в надежде дернулся и забил по блестящей металлической поверхности хвостом.

– Тю, сволочь! – строго приказал Фомин, взвешивая чемодан в руке. «Не деньги», – с досадой констатировал он и попытался открыть замки. Поняв, что дело это долгое, а течение ждать не будет, лодочник придавил кейс ногой и отправился в обратное плавание.

Уже дома он попробовал применить сначала стамеску, а после и гвоздодер. Но крепость чемодана была столь впечатляющая, что в течение двух часов после полуночи из светящихся окон дома лодочника не раздавалось ничего, кроме лязга металла и беспрерывного мата.

В начале третьего ночи Фомин, трижды умывшись потом, вспомнил, что он русский человек, и решил подойти к делу с простой смекалкой. Мастер, создававший нескораемый, неломаемый и не раздавливаемый даже прессом кейс с двумя шифровыми замками, вряд ли предполагал, что когда-нибудь он окажется в руках русского старика с тремя классами образования. По тому же принципу русские пьют на Севере тормозную жидкость, а янки изумляются, почему те от этого не умирают. Все просто. Перед тем как пить тормозуху,

ее нужно слить через раскаленный морозом лом. Тяжелые фракции задерживаются на стали, а чистый спирт стекает в посудину. Пей – не хочу. Эта русская смекалка многие фирмы-производители, считающиеся грандами, часто ставит в неудобное положение.

Кто мог подумать, что пуленепробиваемый кейс, выдерживающий температуру в 400 градусов по Цельсию, открыть очень просто?

Фомин выпил стакан «Пшеничной», захрустел огурцом, подумал и набрал на одном замке кейса с тремя дисками «000» единицу и на другом сделал то же самое. И щелкнул замками. Не вышло.

Тогда Фомин набрал: «002» и «002».

Не получилось.

Через полчаса, когда цифры на обоих замках были установлены в положение «399» – «399», а «Пшеничная» опустела до неприличия, внутри чемодана раздался щелчок.

Старик поднял замки и с томлением распахнул створки.

Разочарованию его не было предела. Чемодан хранил в себе несколько десятков бумаг на иноземном языке, листки с какими-то цифрами и несколько бланков с отпечатками пальцев. Все они были исполнены в черном цвете, а один – в коричневом. Так выглядит засохшая кровь.

Плюнув, Фомин задвинул чемодан ногой под кровать, включил телевизор и стал смотреть «Ночные вести». Ни хрена хорошего, как обычно, не происходило. В Ираке взрывы,

президент опять встретился с каким-то монархом, в Петербурге рухнула крыша, наши проиграли 1:5.

– Не страна, а сортир со всеми вытекающими отсюда последствиями, – сказал Фомин, выключил TV, свет и улегся спать.

Глава 4

Мартынов и Холод сидели в полумраке ночного кафе, Андрея не покидало ощущение, что ему снится дурной сон. Девять дней жизни слишком малый срок, для того чтобы впасть в депрессию по поводу утраченных нескольких дней, но чересчур великий, когда счет идет на часы. Для возвращения памяти нужен покой, концентрация мысли, а какая, к черту, концентрация, если перед глазами постоянно появляются новые люди и смена мест пребывания происходит каждый час?! Еще сто двадцать минут назад он и Холод сидели у него в особняке, взяв хлеб разговаривали о прошлом и настоящем. Сема выглядел как венгерский помещик. Потрясая на своей груди отворотами атласного халата, он ревел и терзал Мартынова за руку: «Я хожу дома, Мартын, как барин! Непременно в халате!.. Хочешь, и тебе велю принести такой?»

Сейчас же на нем был строгий костюм от Армани, и сидели они не в его кабинете, а в мерцающем огоньками интерьера кафе.

Постоянно оглядываясь, Мартынов привлекал к себе внимание, и это обстоятельство заставило Холода улыбнуться и, дотянувшись через стол, хлопнуть товарища по плечу.

– Здесь не бывает ментов, – успокоил он, догадавшись о причине беспокойства старого друга, – в дверях такой «фейс-контроль», что только чудо может завести сюда «крас-

ного».

Разлив виски по пузатым стаканам, он пробурчал:

– Да, дела... Значит, ты летел сюда за сыном боксера Малькова, а потом вдруг выпал из истории и сейчас не помнишь, нашел его или нет. Скверно...

– Скверно не то, что я не помню, – Мартынов приложил руку к брови и поморщился. – Как и что мне теперь говорить Малькольму? Что я тут нечаянно потерял память – не знаю, по какой причине... В этот лепет не поверят даже в колонии для малолеток, Сема. А я делал дело стоимостью в десять миллионов долларов и сейчас даже представления не имею – доделал я его или нет!

– Тебе нельзя звонить Малькольму, – подумав, сказал Холлод. – Тебе вообще нельзя возвращаться в Штаты. До тех пор, по крайней мере, пока ты не просветлеешь.

Мартынов был уверен в этом и без подсказок. Придя к Малькольму, он обрекал себя на погибель. Уехать за десятью миллионами и вернуться без них с глупым объяснением провала памяти – это по меньшей мере несерьезно. Малькольм не верил и в более изысканную ложь. В любом случае сроки розыска Малькова-младшего уже вышли, так что лучше действительно осесть здесь на пару лет, понять, что случилось за десять дней этого года, а уже после принимать верное решение. Если задачу Малькольма, президента «Хэммет Старс», он все-таки выполнил, то отсутствие и молчание потом объяснить будет легко. В стране медведей срок можно схлопо-

тать даже за плевков в сторону Кремля. В это Малькольм поверит. Можно будет еще и моральные издержки попросить возместить. Но появление в Вегасе сейчас со словами «Ну, как там у нас дела?» граничит с безумием. Если дела «никак», то от него, Мартынова, даже ремня не останется.

– Ты с кем в эти дни заводил связи? – встрепенулся Холод, а потом, поняв, что сказал глупость, обмяк: – А, ну да, конечно... Помнил бы ты, так и не было бы этого разговора... Может, с бабой какой, а?! – снова попытался он подкинуть другу зацепку...

– Не помню я ничего, Сема, хоть убей... Дичь какая-то. Со мной однажды такая беда была в Нью-Йорке. Я тогда с двадцаткой баксов в негритянском квартале оказался... В больнице заверили: через неделю все вспомню. И вспомнил! А сейчас, я думаю, мне так нужно поступить... Ты сможешь перекинуть часть моих средств из зарубежных банков в новосибирские и слепить мне чистые документы?

– А что, это трудно? – не понял Холод. – Могу сегодня же перекинуть, а справить можно и завтра. Только тебе не один комплект документов нужно, а как минимум два. Пара паспортов, пара водительских удостоверений, пара... А что ты, собственно говоря, задумал?

Мартынов вяло глотнул виски и обратил свой взор к эстраде, где пела какую-то песенку певичка без голоса.

– Мой путь к Малькову закончился в Ордынске. Значит, отсюда и нужно начинать. В обратной последовательности.

Ты переведешь треть моих сумм с Каймановых островов в Новосибирск Внешторгбанк, а я устроюсь где-нибудь неподалеку от поселка, скажем, в том же Шарапе, коль скоро ты его упомянул в воспоминаниях. Клянусь, понятия не имею, кто такой Хорьков и какую роль он играл в моей истории, да только если я просил найти его, ты правильно сделал, что нашел. Может быть, он мне поможет вспомнить, – Андрей помолчал, продолжил: – Я еще в Америке дал себе слово – если вернусь, устроюсь где-нибудь в тихом месте, обзаведусь парой катеров, снастями и буду катать туристов на рыбалку. Кажется, сейчас самое время реализовывать мечту.

– Так, значит, за сбывчу мечт? – поднял рюмку Холод.

Мартынов отреагировал неадекватно.

– Жалею сейчас, что не посвятил тебя в дело, когда был в норме. Все вопросы бы отпали. А сейчас... Сейчас я боюсь одного. Мне нужно будет постоянно искать людей, с которыми свела судьба за эти девять дней. Они все где-то здесь – в Новосибирске и Ордынске. Через Новосибирск я нашел Ордынск, значит, наследил и в столице Сибири. Мне нужно снова искать этих людей и идти по старому следу... Проблема в том, что меня узнает каждый из них, я же не узнаю никого. А вдруг кто-то из них захочет мне по башке наступать... И в тот момент, когда будет секунда, для того чтобы первым ударить, я потрачу эту секунду на улыбку и «здравствуйте». – Поразмыслив, Мартынов посмотрел на Холода. – Слушай, друг, а что здесь случилось знаменательного за те

дни, что я не помню?

– Мартын, ты прямо полным идиотом стал, – возмутился Холод. – Ну, что знаменательного здесь может произойти? Здесь, мать вашу, милитаристы проклятые, все знаменательно и все привычно до такой степени, что знаменательным уже не кажется! Ты про Новосибирск да Ордынск спрашиваешь, что ли?.. – И, получив подтверждение, Холод поджал губы. – Два дня дай мне, разберусь. Если ты с американским паспортом шнырял, то...

– С чем я только не шнырял, – перебил Мартынов. – А сейчас сделаем так. Вези меня на ночлег на какую-нибудь хату под Шарап. Понутру осматрюсь... А к тому времени ты мне и деньги подгонишь...

– Девку хочешь с собой прихватить?

– Эту, что ли? – покосился на подиум Мартынов. – У нее голоса нет.

– А ты что, петь с ней собираешься? Вика в городе славится не голосом.

– Я уже понял, что ей здесь не место. Человек должен что-то одно хорошо делать. Поет она не ахти. Значит, в чем-то другом мастерица.

– Ей просто не везет, – с готовностью подтвердил Холод. – Она еще недавно пела в ресторане в центре и ходила в герлфрендах у одного из молодняковых наших, Ромы Гулько. Парень, в общем, был правильный, но слишком уж креативный... в смысле, реактивный... Вику выкинули из рестора-

на, а Рому вчера пришли где-то в области. Молодежь нынче трудный период переживает... Деваха развязная, но простая. Вот, смотри, что я говорил – к нам идет, – Холод покачал головой и со скукой посмотрел на Мартынова. – А ведь раз только и... Считает, что мы уже родные, – внезапно повеселев, он проговорил подошедшей к столу певице: – Как живешь, милая?

Чмокнув смущенного Холода в щеку, она зависла над столом, в упор разглядывая Мартынова. Вблизи она оказалась гораздо лучше, чем на сцене.

– Плохая примета, – сказала она, обращаясь явно к Холоду.

– Что такое, нежность моя, на Красном проспекте бабу с пустыми ведрами встретила?

Вика продолжала разглядывать Мартынова.

– Не узнаете меня без грима? – справился Мартынов.

– Очень даже хорошо узнаю. – Певица положила руку на плечо седого Холода и доверительно посоветовала: – Поберег бы ты свою головушку, Сема. Где этот красавчик появляется, там обычно потом дерьмом пахнет так, что глаза режет.

Холод посмотрел на Мартынова, Мартынов посмотрел на Холода.

Вика между тем налила себе в стакан Холода виски и азартно опрокинула. Закусывать она, как понял Мартынов, не привыкла.

– Я тебя, крошка, что-то не припомню. Если ты не Джуди

Гарланд, в чем я на сто процентов уверен, то впервые вижу.

– Он меня впервые видит, – саркастически объяснила девушка молчаливому Холоду. – Память потерял? Ну, давай вместе вспоминать. Азербайджанцы, карты, стрельба, пять трупов, менты, Метлицкий, опять стрельба. И кругом – кровь, кровь, кровь... А в центре – вот этот красавчик, и если бы я на сто процентов не была уверена в том, что это не перекрашенный Кларк Гейбл, то я, наверное, так бы и решила.

Холод обратил взгляд к Мартынову:

– Расскажи мне немного о себе...

– Конечно, расскажет он, – отозвалась певица. – Сейчас, наверное, толпа мусоров за дверями ждет, пока вы наговоритесь.

Мартынов был из тех людей, которые соображают быстро.

– Сема, ты помнишь все мои просьбы. Я, пожалуй, поеду, а ты заплати лабухам по полной программе в качестве компенсации за то, что сегодня эта рок-группа остается без вокалистки.

– Как это без вокалистки? – не поняла Вика. – Так это я – вокалистка.

– Вот без этой вокалистки и останется, – объяснил Холод, вставая и бросая на стол салфетку. – Барабанщик будет петь без ансамбля, сам, бля, один, бля.

Уложив на стол бумажник и многозначительно постучав по нему пальцем, Холод махнул троиим телохранителям, и громилы встали из-за стола.

– Мы будем заниматься интимными танцами? – уточнила Вика, выходя из гримерки уже в джинсах и короткой джинсовой курточке. – Ты точно не из компании Метлицкого? Я вчера едва не простудилась. Думала – не выйду сегодня. А тебе сколько лет? Покажешь, где мелирование делал?

Остаток ночи пролетел для Мартынова как одно мгновение. Он сжал рассказанные эпизоды в формулы, которые, достань из головы и распиши их на бумаге, выглядели бы следующим образом: неделю назад ее друг Рома Гулько сидел в ресторане и ждал на разборку азербайджанскую (Вика сказала – «мафию») группировку. Вместо мафии сначала пришел он, Мартынов, и с ним еще двое знакомых Вике парней. Парней зовут Гаврош и Клязьма. Мартынов с Ромой о чем-то поговорили, но договорить, видимо, не успели, потому что пришел азербайджанец Халва с братвой. Разговор продолжился, после того как Халва и вся его братва были убиты, но и тут поговорить ему, Мартынову, не дали, потому что пришел Метлицкий с братвой. Братва уложила всех на пол и увезла в кутузку. На вопрос «почему в кутузку», Вика ответила, что Метлицкий увозит для разговора только в кутузку. Когда же речь зашла о Метлицком, Вика объяснила, что Метлицкий – самая настоящая сука. Майор милиции. Но теперь точно получит подполковника, потому что это именно он, скорее всего, Рому вчера и прикончил. «Почему именно он?» – спросил Мартынов и получил ответ: «А больше никому».

Вика же из встречи почерпнула следующее: интим будет. Мартынова зовут Колей. Горло лучше всего лечить водкой с хреном. Относительно своих сомнений, что «нынче хорошего хрена не достать», она получила ответ, из которого следовало – нынче не достать хорошей водки. Мартынову тридцать пять.

А мелирование ему делал Харви Дональдсон, личный стилист Джонни Деппа. Пятьсот долларов.

«Не выдержал все-таки, – подумала Вика, – сорвался. Мог бы и не погибать про Деппа, он меня и так уже победил...»

А мелирование Мартынову делал действительно Харви Дональдсон, личный стилист Джонни Деппа. И именно за пятьсот долларов. А вот чем лечить горло сорокатрехлетний Андрей Мартынов, у которого и в мыслях не было оказаться с певичкой в постели, понятия не имел. Оно у него никогда не болело.

Спустя неделю после этой ночи, в такую же теплую июльскую ночь произойдут еще два события, которые так или иначе были связаны с прошлым Мартынова...

26 июля после полудня на посадочную полосу Шереметьева сядет «Боинг-747» авиакомпании «Эр Лайн». Среди прочих прибывших по трапу сойдут, молчаливо поглядывая по сторонам, трое мужчин, выделяющихся из толпы внушительными габаритами. Один из них окажется Вайсом – помощником Малькольма по делам «Хэммет Старс». С ним в

Россию прилетят двое русских, эмигрировавших в США в начале девяностых. Команда Малькольма, оказавшись вне терминала аэропорта, тотчас отправится в билетную кассу и закажет три билета до Новосибирска. Четыре оставшихся до полета часа они проведут в зале для VIP-пассажиров.

Еще одно событие... В гостинице поселка Ордынское в трехместном номере расположатся трое людей возрастом от тридцати до сорока. Они внесут в номер несколько спортивных сумок и откажутся от посещения ресторана, что было бы для приезжих уместно и обоснованно, благо прибыли эти трое не из соседней деревни, а из Казахстана. Однако ужин их не интересовал, местные обольстительницы – тоже...

Где-то между пятью и шестью часами утра между ними случится такой разговор:

– Это худшее, что нас могло ждать. Ты точно понял курьера?

– Совершенно точно. Дорога до Кемерово и Томска нам заказана. Кто-то слил информацию о перемещении груза, и теперь менты нас будут встречать что там, что там. Точнее, даже не там, а на подъездах.

Старший раздраженно откинется на спинку кровати и двинет ногой по сумке.

– Черт побери... Нас ждут на вокзале в Кемерово, а через сутки – в Томске. Если мы сорвем встречу, люди подумают, что мы под контролем. Контакт не состоится. И что после этого делать с грузом? Я вас спрашиваю!.. Кажется, это ты,

Мирза, говорил, что по всей трассе будет зеленый свет? Еще вчера это был просто автобусный тур, а сейчас выясняется, что мы под прицелом спецслужб трех регионов страны!

– Я знаю, как нам уйти отсюда, – вмешается третий. До этого момента он лежал и курил. – Только для этого нам нужно будет посетить сначала Томск, а уже после – Кемерово. Ничего страшного. Мы уведомим встречающих.

– Интересно, – заметит тот, которого именовали Мирзой, – как можно выехать из этого долбаного Ордынска, чтобы сначала оказаться в Томске?

– Мы из него не выедем, а выплывем. Впрочем, плавает, как говорят моряки, только дерьмо. Мы выйдем. Водой. Не может быть, чтобы здесь не было пристани. Мы зафрахтуем катер или теплоход, пройдем по Оби, потом по Томи и снова свернем на юг. Через три часа мы окажемся в Томске. Еще через сутки – в Кемерове. Кто нас будет искать на воде?

– А если мы не найдем катер? – спросит старший.

– А что, мы сейчас об этом будем думать? С утра Мирза займется едой, а мы отправимся на поиски, – усевшись на кровати, он вынул из сумки пакет, а из него – бутылку водки. – Вода – это единственный путь с грузом. Нам надо взойти на борт суденышка, даже если для этого придется выкинуть капитана за борт.

– Умный ход, – бросит старший. – А штурвал ты будешь вертеть?

– Я образно выразился.

– Нам сейчас не до метафор! – вскипит старший. – Умник, мать твою!.. У меня под задницей пятьдесят килограммов колумбийского «кокса»! Россия-мать не видела такого количества кокаина с момента образования! Сорок пять миллионов рублей!.. Почти два миллиона долларов!

– Ладно, Седой, не стоит кипеть, – потушит разговор Мирза. – Гена прав. У нас нет иного выхода. Пока мы идем до встречающих по земле, помимо стволов и порошка мы несем с собою срок лет этак в двадцать особого режима на брата. Но мы вряд ли протянем эти годы, если учесть, что за нами потянется цепь людей вплоть до Боготы. Нас вырежут еще до суда. Так что если понадобится топить капитана и самим брать штурвал в руки, то... то придется это делать, не раздумывая.

– А встречи с другими судами? А навигация, а заправка? – Старший не унимался. – Я вам вот что скажу, мафия хренова... Если в Ордынском окажется один катер и один капитан, то этому капитану мы должны создать все условия для того, чтобы ему и в голову не пришло причалить к мусорам. А сейчас спать. Ваши рожи меня доведут до бессонницы...

Глава 5

Вскоре всем стало известно, что новым владельцем пристани «Синяя лагуна» в пяти километрах от Шарапа стал некто Громов. Человек с виду нелюдимый, он между тем прослыл среди сельчан покладистым и добродушным. Дело свое знал хорошо, и вскоре развалившаяся пристань, на которую махнули рукой власти, была отремонтирована, и рядом с ней заблестел свежей краской двенадцатиметровый дизельный прогулочный катер. Никто не думал, что из развалины теплохода «Костромич» можно восстановить такое чудо. На берегу Громов купил просторный дом, двор которого одновременно являлся и базой, и административным центром. Мнение сельчан разделилось. Одни полагали, что новые русские прибирают к рукам земли, вторая половина утверждала, что так уходят на отдых известные люди из спорта. Понятно, что доход у Громова был сначала невелик, однако через несколько недель от желающих отдыха на катере не стало отбоя... И еще... Профессиональная рыбалка – это то, к чему стремятся нувориши, которым не по душе стрельба по животным. База Громова располагала завидным преимуществом – на ней присутствовало все, что было нужно уставшему от дальней дороги путешественнику: сауна, люксовый просторный номер, первоклассные снасти и запас еды и спиртного.

Документы на имя Громова Мартынову справил сам Холод. Помимо этого, в доме лежал и второй комплект документов, о котором упоминал лагерный друг Мартынова.

Найти в Новосибирске парня с погонялом Клязьма и второго, упомянутого Викой, не составило никакого труда. Однако Мартынова ждало разочарование. Ни Клязьма, ни товарищ его не могли сказать ничего определенного и лишь твердили о том, что Гулько перед смертью все говаривал о каких-то миллионах и стал скрытен, как зверь. Ситуацию мог прояснить какой-то Фома, но он был убит ментами вместе с Гулько.

Цепочка Вики Соловьяниновой оборвалась, и это направление стало Мартынову неинтересно. Однако встреча с ней убедила Андрея в том, что теперь придется держать ухо востро, в Новосибирске он наследил, судя по всему, немало. Знакомые могут появляться, как черти из табакерок – внезапно и резко, и не всегда такие появления будут столь же безобидны, как в случае с кабацкой певичкой. Еще оставался Метлицкий, как подсказал Холод – начальник РУБОПа, но куда сейчас Мартынов меньше всего торопился, так это на встречу с ним.

Шарап – в десятке километров от Ордынска, но все-таки это уже не Ордынск. Для мегаполиса такое расстояние ничтожно, для следователя Бабушкина, в глазах которого Мартынов безошибочно прочел опасность, – потеря во времени и пространстве. Пристань – тоже безошибочно избранный

вариант. Куда вряд ли занесет ментов, кроме как с проверкой лицензии.

Спустя пять дней после расставания с Викой на пристани появился мальчишка лет двенадцати со всеми признаками Вождя Краснокожих. Через два часа после его пребывания на базе Мартынов уже держал малого за руки, которые были заняты парой украденных из сарая весел.

– Красть нехорошо, – констатировал Мартынов.

– А я не крал, – спокойно, видимо, не в первый раз, ответил бродяжка. – Я взял поплавать.

– Все мы так говорим, когда берут с поличным, – мудро заметил американец, разглядывая драные джинсы и разлезшиеся по швам кроссовки задержанного. – Но нам почему-то всякий раз не верят. Ты откуда будешь?

– Из Астрахани.

– Так это ж на Волге, мальчик, – напомнил Мартенсон.

– Я сирота.

– Тогда вопрос де-юре снят. Теперь де-факто: куда весла попер?

– Я не знаю, – отвечал проныра, – факто это или не факто, да только я их рыбакам хотел сдать рублей за сто.

– Эти весла, – разозлился Мартынов, – стоят сто пятьдесят долларов и подходят только к уключинам «See Gan». Снимай штаны, пороть буду...

– А тебя тоже за это пороли? – многозначительно посматривая на выглядывающую из-за воротника рубашки татуи-

ровку, спросил пацан и стал возиться с «молнией» на брюках. – Сдай уж тогда ментам, как положено... – Улегшись на киль перевернутой на берегу лодки, он подложил руки под подбородок. – Мне за побеги оттуда все одно сроки не дают.

Мартынов в сердцах бросил весла на песок и полез за сигаретами.

– Работу дам, жилье – воровать не будешь?

– Смотря какую дашь, – понимая, что порка отменяется, пацан натянул штаны и стал чистить нос. – И, потом, если приставать будешь, всю морду разобью.

– Как это? – опешил Мартынов, медля с зажигалкой.

– А вот так, веслом.

– Я не об этом, с мордой все понятно... Что значит – приставать?

– Со мной тут один на Ордынском вокзале тоже добрым хотел быть. Пойдем, говорит, я тебе шоколадку куплю...

– Тьфу ты, дурак, – снова разозлился Мартынов. – Значит, так. Пять долларов в день плюс харчи и крыша над головой. Следить за инвентарем, драить рынду на катере и остальные блестящие части.

– Это юнгой, что ли?

– Это сотрудником пристани с окладом в две зарплаты преподавателя высшей категории! У тебя сколько классов, парень? Или, может, рекомендации мне с прежних мест службы предоставишь?

– Пять, пять классов. Ладно, пойдет. В котором часу нын-

че обед?

После заключения сепаратного мира состоялся более личный разговор.

– У тебя отец где?

– У меня нет отца, – был ответ.

Мартынов прищурился:

– Ну, ты-то есть. Раз так, значит, и отец должен быть.

– Должен. Но нету.

– А ты тогда откуда взялся, как думаешь?

– Меня аист принес, – подумав, сообщил парень.

– Не поспоришь. Ладно, зайдем с другого края... А кому тебя аист принес?

– Матери, – уже не раздумывая, ответил пацан.

– Отлично, – с удовлетворением примечая в себе педагогический талант, заметил Мартынов. – Где мать?

– Ее аист унес, – огрызнулся мальчишка, не привыкший к подобным допросам.

Хмыкнув, Мартынов пробурчал:

– Мне это навевает кое-какие воспоминания... Ладно, приступай к работе. Вон тряпка, там же найдешь ведро.

Через час Мартынов, терзаемый одним-единственным вопросом, взошел на палубу теплохода, где работал мальчишка.

– А отца-то пытался найти?

– А ты пытался? – бросив швабру, спросил тот.

– А чего мне его искать было? Он все больше по тюрьмам

да лагерям – все адреса на конвертах. Встретиться, да, хотел, когда с тебя ростом был. Но не вышло.

– Помер?

– Точно.

– А мать?

– Не помню мать, – вздохнул Мартынов.

– Но кому-то же тебя аист принес?

– Прокурору, – огрызнулся Мартынов и убрался с палубы.

Помощника звали Костей. Ему было одиннадцать. Три последующих дня Мартынова убедили в том, что он приобрел помощника, который выполнял половину его работы. И на утро четвертого дня Эдрю Мартенсон, он же Громов Андрей, он же – Мартынов Андрей, в очередной раз убедился в том, что, как только ты перестаешь заниматься делом, оно неминуемо начинает заниматься тобой.

Едва над рекой поднялось солнце и стала расплзаться дымка, на пристани появились двое, при виде которых дважды судимый русский американец мгновенно почувствовал запах неприятностей.

Казалось бы, ничего странного нет в том, что у дома его появились люди, – для того, собственно, база и существовала, как «крыша», однако этим утром профессиональный взгляд бывшего заключенного, проведшего больше десятка лет в зонах строгого режима, был холоден и неприветлив.

Пять дней назад, таким же ясным утром, появились четверо. Жевали жвачку, плевали на песок, пинали кроссовка-

ми гальку, словом, вели себя как последние отморозки. Прибывшим не терпелось узнать, кто строил Мартынову «крышу» и с кем он за это рассчитывается. При этом одетому в глухой свитер хозяину пристани было предложено говорить быстро, «а то они устали от долгой езды». Заодно приказали и стол накрыть с шашлыками.

Костя на пристани к тому моменту еще не появился, и это было хорошо, как считал теперь Мартынов. Давать такие уроки жизни человеку с неокрепшей психикой, пусть даже и повидавшему виды сироте, совершенно непедagogично. Поначалу Мартынов как мог вежливо объяснял, что «крышу» ему строили тут армяне, и перекрывать он ее в ближайшее время не собирается. Жарить шашлык на этой базе привыкли к двенадцати, а плевать на песок, вообще, категорически недопустимо, поскольку «эта территория есть часть пляжа». В общем, тратил драгоценное время на то, на что в крупных городах России и Америки авторитетные люди не тратят.

Когда вымогателям областного масштаба стало ясно, что над ними издеваются, они решили убедить начинающего бизнесмена фактически. Один из гостей сходил к «девятке», играющей роль транспорта «бригады», и вынул из багажника бутылку с современным «коктейлем Молотова».

– А вот это, ребята, уже полная глупость, – сказал Мартынов. – Здесь солнце, песок, дерево. Все вспыхивает, как спичка.

Он напрасно это говорил, у братвы, видимо, был такой

опыт работы, что они эту тему просчитали задолго до Мартынова.

– Поработаем за инспектора пожарной охраны, – усмехнулся молодой человек и чиркнул по бутылке спичечным коробком. – Посмотрим, где у тебя огнетушители хранятся.

Видя, как на бутылке воспламенился фитиль и браток принял позу метателя диска, Мартынов резко поднял с песка провод, который чинил до прихода незваных гостей, и резким вращающим движением устремил петлю в сторону бутылки.

Петля намертво захлестнулась на шее рэкетира, он почувствовал рывок, от которого потемнело в глазах, и когда он уткнулся лицом в песок и снова увидел свет, выяснилось, что бутылка с догорающим фитилем стала достоянием хозяина пристани.

Ступор братвы продолжался недолго. Сразу после того как бутылка описала правильную кривую и с грохотом разбилась в чреве новенькой «девятки», трое оставшихся на ногах стриженных спортсмена стали бегать вокруг Мартынова и орать, как чайки: «Где у тебя огнетушители?! Где у тебя, сука, огнетушители?!»

Первый упал на песок без сознания, и нос его не оставлял никаких сомнений в том, что поковырять в нем хозяин сможет теперь не скоро.

Второй побежал в сторону леса, последний оказался в руках Мартынова и довольно долго претерпевал физические

унижения.

– Я никому не плачу, – спокойно объяснял ему Мартенсон, подняв на ноги. – Ни ментам, ни пожарным, ни педерастам вроде вас. Если же есть желание узнать, почему происходит такая несправедливость, позвоните Семе Холоду, и он вам растолкует. Но я и Семе Холоду тоже не плачу, поскольку он сам передо мной в долгу неоплатном. А потому я совершенно бесполезный для вас клиент. Единственное, чем я могу вам помочь, – это вызвать из Шарапа трактор. Но сначала вы перенесете движок со своей догорающей тачки вот на эту лодку. Это как раз то, что я искал. «Водомуты» меня достали своими распоряжениями относительно спасательного судна, и я теперь знаю, как из деревянной лодки «Кефаль» сделать глиссер.

После упоминания имени «Холод» на базе воцарилось полное взаимопонимание. По той причине, что только вчера новосибирский положенец собирал «бригадиров» и предупреждал о возможных последствиях невыполнения его решения – «если хоть одна тварь без понятий меня еще раз перед ментами раком поставит и полезет куда-нибудь без моего ведома, я гланды через жопу выну», трое из четверых вымогателей довольно быстро отверткой и плоскогубцами скрутили двигатель и перенесли его к лодке. Не совсем понятно было, зачем Семе Холоду чужие гланды, но сам процесс их получения заставлял молодых людей работать в режиме аврала. А потом пришел трактор и уволок кузов «девятки»

вместе с ними.

Это было недавно, и в то утро Мартынов ощутил тот же толчок, что и сейчас. Неприятность. Она давила изнутри и заставляла собраться. Он видел перед собой уже не лишенный понятий «молодняк», а людей, умеющих взвешивать свои слова и не делать лишних движений.

– Здорово, хозяин, – поприветствовал Громова один из мужчин, старший из двоих, если судить хотя бы по возрасту. Он спокойно разглядывал замаранные машинным маслом холщовые брюки Громова и саркастически рассматривал палку в его руках, украшенную набалдашником из вязкой смолы. – Кто тут за капитана? – И он кивнул на приютившийся у пристани катер.

– Когда интересуется судно, спрашивают не капитана, а хозяина.

– Понятно, – ухмыльнулся незнакомец, – значит, передо мной хозяин. Он еще раз смерил катер взглядом. – Комфортабельная посудина?

– Две каюты на шесть мест, рубка, клозет, камбуз, зона отдыха, – отчитался Мартынов-Громов. – Шесть узлов скорость, спутниковая связь.

Старший присвистнул и посмотрел на товарища.

– Неплохо для периферии... А какие услуги фирма оказывает разовым клиентам?

Мартынов, соображая, что от него хотят эти двое – они пришли, что совершенно очевидно, не для охоты на лещей, –

сообщил, что в комплекс услуг входит рыбалка, каботажное плавание в районе десятимильной береговой зоны и пьянка с соблюдением мер безопасности или без оных, но по двойному тарифу в этом случае.

– Понятно... – процедил старший. – И сколько это удовольствие стоит?

– Один час обойдется вам в двести долларов.

– Что, – изумился второй, – соляра подорожала?

– Пройди по рынку, найди дешевле, – невозмутимо отвечал единственный в этом районе хозяин частного судна.

– М-да... – пробурчал старший и закурил. – А если, скажем, далеко пойдём? Часов этак на сто?

– Полярники? Без лыж? Не смешите.

– Да какие там полярники... – просипел мужчина и посмотрел, куда бы сплюнуть. Не нашел и не сплюнул – это отметил Мартынов про себя сразу и быстро. «В доме своем и чужом зэки не плюют». – Просто я время отмерил вместе с твоей дорогой обратно.

– То есть за такси сработать? – улыбнулся американец, откладывая палку в сторону. – Дай-ка соображу... Это вам куда-то в район Шегарки нужно.

– Допустим, – старший внимательно посмотрел на Мартынова.

«Не любит, когда в его планы проникают, – отметил Андрей, думая попутно и о том, что если не строго на север, то, наверное, свернуть на Томь. Это получается, людям нужно

в Томск. Забавно. Автобусом быстрее и дешевле».

– Порыбачить в дороге захотелось, – словно прочитал его мысли гость. Второй при этом послушно закивал головой.

«Готов голову дать на отсечение – рыбалка их интересует столько же, сколько меня поход водой в соседнюю область. Дай-ка контрольный выстрел сделаю – поступлю совсем уж по-простецки...»

– Далековато будет, – Мартынов почесал затылок и стал внимательно разглядывать собеседников. – Если только прикинуть... Чисто гипотетически... Что туда и обратно по тройному тарифу...

– Ты что, кэп, сдурел? – опешил тот, что помладше, но второй остановил его рукой и своими следующими фразами окончательно убедил и без того никуда не собирающегося Мартынова в том, что дело неладно.

– Нет вопросов. Шесть штук баксов.

И Андрей в одночасье оказался в сложной ситуации. Этот разговор уже давно можно было закончить ответом «нет», но после встречи с певичкой он уже не мог поручиться за то, что неожиданные встречи будут продолжаться. То, что он не узнает этих двоих людей, вовсе не означает, что он с ними не знаком. Ситуация могла быть и еще более однобокой: он с ними знаком заочно, а они его видят впервые. Но то, что он их знает, да просто не помнит, могло оказаться решающим в процессе восстановления памяти. Для Мартынова сейчас любой встречный мог играть важную роль в деле о десяти

миллионах Малькольма. А потому отвечать «нет» нужно было только тогда, когда становилось очевидным – происходит накладка и подозрения беспочвенны. Сейчас же быть уверенным в чем-то было нельзя. Пока ясно одно – двое типов хотят покинуть область не автотрассой, значит – покинуть ее с грузом.

Сейчас нужно спросить так, чтобы было ясно, что они вежут.

– Сколько будет занято мест?

– Нас трое, – невозмутимо ответил старший, и зрачки его сузились до острия бритвы. Только сейчас Мартынов обратил внимание на то, что на правом глазу сорокалетнего мужчины, его сверстника, бельмо...

«Раненый», – первое, что пришло в голову американцу.

– Трое, понятно, – повторил Андрей. – Но катер хоть и большого водоизмещения, он все-таки не океанский лайнер. Для него и груз имеет значение.

– В одну каюту поместимся, не волнуйся, – не раздумывая, ответил мужчина, и на его щеках сыграли желваки.

«Не любит, не любит долгих расспросов! Даже тогда, когда это лишено подозрений...»

– Я вот что вам, ребята, скажу, – Мартынов понял, что к его делу эти трое никакого отношения не имеют. – Не пойду я никуда. Не нравится мне эта затея. Да и дел на базе много.

– Но ведь, кажется, ты один здесь имеешь катер? – помедлив значительно дольше необходимого, заметил старший из

гостей.

– Но ведь это, кажется, не означает, что я должен все бросать и идти куда прикажут, – Мартынов поднял с деревянного козла палку и выпрямился. – Это не муниципальный транспорт, товарищ.

– Шесть тысяч долларов – довольно внушительная сумма для этих мест... – пробормотал, глядя под ноги, его собеседник.

– И тем печальнее мне вам отказывать.

Бельмо уставилось на Мартынова.

– Как скажешь, капитан...

Уже по дороге от базы спутник старшего мужчины буркнул:

– Ну, и что ты думаешь по поводу того, что этого фреера нельзя за борт выкидывать, Адмирал? Если мое мнение важно, то я просто-таки не вижу другого способа заставить его выйти в плавание...

– Я скажу, что сегодня с наступлением темноты мы пересечем бор и войдем на базу. Он никуда не денется... А сбросить его придется по-любому, поскольку иметь на плечах свидетеля транспортировки груза в мои планы не входит.

Прозвище мужчина получил не за умение управлять флотскими баталиями. Он море увидел только что, впервые. Половину сознательной жизни Артем Николаевич Ляхов провел в колониях, на Севере, меж двух великих океанов, и снова возвращаться туда больше не намеревался. По-

гоняло свое – Адмирал – он получил именно там, в лагерях, за схожесть с адмиралом Нельсоном, потерявшем в бою глаз.

В тот час, когда на берегу у базы Громова шел незатейливый, если наблюдать его со стороны, разговор, в Новосибирске русскоязычные люди Вайса входили в учреждение. Над дверями высокого здания с зеркальными, изысканно подобранными под витражи огромными муляжами телефонных трубок значилась вывеска: «Сотовая компания «МИР».

Через два часа оба вернулись в номер гостиницы «Центральная», и Вайсу стали известны некоторые подробности движения Эндрю Мартенсона в России после отлета из аэропорта имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке.

Во-первых, звонки с сотового телефона Мартенсона поступали в адрес не менее двадцати абонентов, и поиск всех фигурантов мог занять огромное количество времени. Но так бы, наверное, Вайс и поступил, если бы не одно обстоятельство. В списке выкупленных за пятьсот долларов у оператора сотовой связи абонентов значилось два номера, на которые Мартенсон звонил чаще всего. Оба номера телефонов мобильной связи значились за Андреем Петровичем Мартыновым, а это значит, что Мартенсон дважды регистрировал на себя трубки и после этого совершал на них звонки.

– Ты спрашивал местонахождение этих абонентов? – не глядя на помощника, бросил Вайс.

– Да, конечно. Сейчас в России программируют трубки

таким образом, чтобы можно было определить местонахождение абонента. Борьба с терроризмом, мистер Вайс... если вас интересует этот номер, то я могу сказать вам, куда поступал звонок. Мартенсон звонил в город Ордынск. Это в ста километрах отсюда. Но это не самое интересное, потому что самое интересное заключается в том, что больше половины звонков Мартенсон сделал в Ордынск, находясь в Ордынске, – чуть помедлив, человек Вайса развернул лист бумаги и добавил еще более важную весть: – Но дважды Мартенсон выходил на связь не на мобильный телефон в Ордынске, а на стационарный аппарат. У меня записан адрес.

Вайс, сорокапятилетний мужчина с крупными чертами лица и прямой походкой, что делало его похожим на кентавра, рассмеялся и разгладил пальцами усы.

Ну, конечно... Трубки иногда бывают заблокированы, или абонент телефон оставляет в одежде в шкафу. Тогда приходится звонить на городской номер. Осторожный Мартынов дважды совершил одну и ту же ошибку. И теперь совершенно понятно, что номер сотового телефона, зарегистрированный на Мартынова, но ему не принадлежащий, и номер городского телефона в Ордынске, принадлежат одному и тому же лицу.

– Мистер Вайс, – напомнил один из помощников. – Нам хотелось бы услышать подробности относительно того дела, которым мы занимаемся.

Вайс качнул головой и знаком попросил одного из помощ-

ников поискать в баре что-нибудь подходящее для разговора.

– Это давняя история. Пересказ ее займет довольно много времени, однако ради того, чтобы вам стало понятно, насколько опасен и умен человек, за которым мы приехали, я думаю, пару минут на это уделить можно. Мистер Мартенсон, Мартынов Андрей, был направлен в качестве специалиста в Россию, чтобы найти сына одного известного боксера, Виктора Малькова. Дабы сократить повествование до минимума, поясню просто, что Мальков умер, а сумма, выплаченная ему Малькольмом в качестве гонорара тридцать лет назад, возросла на процентах как на дрожжах, до десяти миллионов долларов. Единственным наследником этих денег является некто Артур Мальков, сын боксера. И только его отпечатки пальцев и губ могли являться для французского банка доказательством того, что за деньгами пришел тот человек, отпечатки которого Мальков предоставил банку тридцать лет назад. Отпечатки пальцев, как и губ, как и код ДНК человека, уникальны в своем роде, Мальков же хотел сделать сына наследником больших денег, и потому в контракте значилось, что деньги может снять со счета только тот, кто явит собой доказательство этих уникальных данных.

Мистер Мартенсон должен был отыскать Артура Малькова, передать ему три миллиона долларов – сумму, которая на его счет была перечислена в соответствии с договором с Мальковым-старшим, а оставшиеся семь миллионов перевер-

сти на счет мистера Малькольма. Однако наш друг исчез...

– А деньги? – спросил один из присутствующих.

– А деньги, – повторил Вайс и снова усмехнулся, потревожив усы, – а деньги были сняты со счета за несколько дней до наступления объявления прав по договору исчерпанными. Если в течение двадцати пяти лет деньги не были бы сняты со счета, они поступили бы в распоряжение французского банка. Но они были сняты. Это свидетельствует о том, что Мартенсон нашел Малькова-младшего. Но то, что Мартенсон до сих пор не явился к мистеру Малькольму с деньгами, и то, что мы сейчас сидим в этой гадкой гостинице и развиваем аппетит клопов, свидетельствуют о том, что Мартенсон сыграл в свою игру. Десять миллионов долларов даже для двоих – внушительная сумма.

– А разве нельзя было убрать Мартенсона сразу после того, как стало ясно – он нашел пацана?

По лицу Вайса скользнула тень, и он неторопливо выпил виски.

– Он оказался более умен, чем от него ожидал старик Малькольм. Мартынов почувствовал опасность и прирезал двоих наших людей, направленных к нему, в одной из гостиниц. И сразу после этого позвонил хозяину, предупредив того о расплате.

– Я слышал о Мартенсоне, – заметил один из помощников Вайса. – Мне о нем рассказывал Колин Уилки из Джерси, менеджер Роя Джонса. Говорят, у Мартенсона крутой нрав.

– Тебе сказали неправду, малыш, – задумчиво проговорил Вайс, точно помня, что угроза Мартынова поступила в адрес не одного Малькольма. – Крутых Америка обламывает в тот самый момент, когда они видят облезшую проститутку статую Свободы в заливе перед Нью-Йорком, призывающую всех голодранцев залезть к ней под юбку, а чуть поодаль – фешенебельный отель «Хилтон». Этот контраст всегда бьет по пониманию всех крутых, приехавших искать в Стране Свободы счастья. Мартынова же не сломал сам черт. Он не просто крутой. Он сам дьявол. Закажите, мистер Томсон, или как вас там – Томилин, такси. Мы едем в Ордынск, сейчас. Но сначала скажите, кому принадлежит номер городского телефона в Ордынске. Уж не бывший ли это коллега Мартынова по лагерям?

– No. This is woman, sir.

Глава 6

Не проходило дня, чтобы она не вспомнила Андрея. Он всякий раз представлялся ей новым, он умел хорошо делать это при жизни. В ее грезах он брал ее за руку, и лицо ее начинало пылать при этом, то смеялся, что с ним бывало очень редко. Когда на Ордынск спускалась тьма и очертания предметов в комнате становились расплывчатыми, она ложилась на диван и устремляла взгляд в потолок. Постепенно веки ее смыкались, и она, находясь в полусне-полуяви, встречалась с ним и разговаривала...

В тот страшный день, когда далеко на трассе, в десятке километров от Ордынска в небо взметнулся жирный оранжевый столб и копоть закрыла горизонт, она едва не сошла с ума. Она долго сидела на лавочке и не могла подняться, потому что была точно уверена в причине этого взрыва. Ее мужчина погиб. Она поняла это в ту самую минуту, когда появился гриб над лесом...

Сутки она провела, словно в тумане. Зачем ей понадобилось выбрасывать в реку кейс, она и сейчас не могла объяснить. Но когда она встала с лавочки спустя несколько часов после отъезда Андрея, обещавшего вернуться скоро, чемоданчик – это было единственное, что связывало их невидимой нитью, – стал лишним в ее жизни. Она направилась к реке, увидела под собой сверкающую гладь и запустила в нее

предмет, который так нужен был Андрею. Все реки текут в вечность... Быть может, они воссоединятся там? Этот блестящий кейс и самый главный человек в ее жизни.

Она сделала это подсознательно, ориентируясь лишь на свое женское чутье. Жизнь Андрея уплыла. Пусть плывет и этот предмет. А ее мужчина сильный. Он обязательно его отыщет... И доведет до конца дело, не сумев сделать его в этой жизни...

Когда она пришла домой, ей показалось, что ею овладело безумие. Маша снова и снова просматривала на телефоне запись, оставленную ей Андреем, глаза ее были сухи... Словно живой, он снова и снова обращался к ней, обещая поселиться там, где растет сосна, уходящая в небо.

На следующее утро она встала с постели и быстро засобиралась в город. Забыв о завтраке, она пришла на вокзал и уехала в Новосибирск с первым же попутным автобусом. Там она разыскала Метлицкого. Рома был рад этой встрече, но лицо его, как он ни старался, было похоже на каменную маску и отказывалось повиноваться хозяину.

– Это... правда?

Он хотел спрятать взгляд, но не решился.

– Его машина... количество тел совпадает с количеством участников ДТП... Он погиб, Маша. Пламя сожрало его.

Она сорвалась и завывала, как воеет волчица, у которой охотники разорили нору со щенками.

Метлицкий, не желая худа, совершил глупость. Он хо-

тел вложить в слова признание и расположение, уважение и скорбь, почтение и смирение, но получилось то, что получилось.

– Наверное, это достойная смерть, он умер так, как должен был умереть такой человек...

И в это мгновение увидел, как наяву выглядит разъяренная и приснившаяся в кошмарном сне женщина. Лицо ее исказилось, кулаки сжались, и Метлицкий, чтобы не прикоснуться к ней и не получить разряд тока, отшатнулся.

– Что ты сказал?.. Достойная смерть? Он должен был умереть?.. Да что ты знаешь о нем, сволочь!..

Отхлестав начальника отдела РУБОПа по щекам, она покинула проклятое здание и направилась по улице, не понимая, куда идет.

Он догнал ее на перекрестке.

– Маша, прости, я сказал, наверное, не то, что думал. Я могу для тебя кое-что сделать, но это единственное, что я могу... Ты забереешь его тело? Я сделаю так, что тебе отдадут...

Она бросилась на Метлицкого и наконец-то просто побабски заплакала. Они стояли на перекрестке долго: женщина необычной красоты, в горе своем неутешимая, и высокий мужчина с оперативной кобурой под мышкой, привыкший работать «на земле». И более нелепой картины представить было сложно.

– Как мне отдадут его?.. Кто я ему?

– Консульство США в Москве уже информировано, однако родственников и близких у него там, как оказалось, нет, и я сделаю все возможное для того, чтобы тело было захоронено здесь. Договорюсь...

Она уехала готовиться к похоронам, а Метлицкий, вернувшись в кабинет, вынул из сейфа бутылку водки, смочил платок и прижал к разбитой губе. Когда жжение прекратилось, он снял трубку и вызвал одного из оперативников:

– Через два часа на моем столе должно лежать заключение эксперта. Я хочу, чтобы тело, ориентировочно являющееся Мартыновым, было изучено до малейших подробностей. Слепки зубов, расположение коронок, группа крови, переломы, прижизненные поражения внутренних органов. Если у американца был гастрит, то первым об этом должен узнать я.

– Тела настолько обуглены, что...

– Два часа! Не больше.

Через два дня городской «уазик» цвета хаки с черной полосой вдоль борта въехал в Ордынск и остановился у крыльца кирпичного дома по проспекту Революции. Через десять минут в него войдет женщина в платье и черной косынке. А еще через два – Маша будет стоять одна у свежей могилы с простым деревянным крестом с надписью: «Мартенсон Эндриу Паоло. 20.04.1962—19.07.2006». Это было все, что осталось ей в память о человеке, жить с которым она собиралась остаток жизни. А еще был телефон.

Последующая неделя показалась ей лишенной всякого

смысла. Более глупого порядка вещей она еще не замечала: утро сменялось днем, день постепенно серел и превращался в вечер, вечер растворялся во мраке, и наступала ночь. Этот маразм превращал и без того убогое существование в каторгу.

«Мне нужно уехать, – подумала Маша. – Взять телефон, продать дом, мебель и уехать. Куда-нибудь в Москву или Питер, где суматоха жизни вышибет из сознания тоску». И по окончании шестого дня жизни без Мартынова она подала в газету объявление. А на следующее утро приехал жизнерадостный риелтор и сообщил, что покупатель уже есть и на завтра запланирована встреча. Молодому писателю наскучила городская суматоха, и он собирается уехать в деревню. Не в такую, где по улицам ходят коровы и гадят на и без того непроезжую часть, а в нечто среднее между городом и деревней, чем, по сути, и является Ордынск.

Ну, и слава богу, подумала Маша. Все закончится быстро. Останется только телефон. Она не увидит больше ни этой лавочки, у которой они познакомились, ни квартиры, где они были вместе, ни сосны, по которой можно забраться на небо...

Завтра началось так, как и обещал симпатяга риелтор. По его просьбе она приготовила паспорт, сберкнижку, чтобы плата за продажу квартиры была перечислена на ее счет – она не знала, где остановится, и таскать с собой деньги не хотела, и сунула документы в карман джинсов. Он прибыл

к ней в начале пятого вечера и сообщил, что писатель при-
будет с минуты на минуту. Они пили чай и разговаривали о
чистоте воздуха в бору перед рекой, когда прихожую Маши
потревожил звонок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.